

Лифинцева Татьяна Петровна

**Философия диалога Мартина
Бубера**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л64

Л64 **Лифинцева Татьяна Петровна**
Философия диалога Мартина Бубера / Лифинцева Татьяна Петровна – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 134 с.

ISBN 978-5-458-65585-9

Работа посвящена творчеству выдающегося философа и теолога Мартина Бубера (1878-1965). Ключевая тема творчества Бубера – онтология диалога – есть у него как бы точка схода всех линий перспективы, иначе говоря, всех классических тем философии и культуры века, получающих в этой точке свое, оригинальное буберовское решение или преломление. Знаменитая книга Бубера «Я и Ты» (1922 г.) является теоретическим источником многих современных дискуссий о диалоге и межличностной коммуникации. Диалогическая онтология человеческого существования позволяет понять философию Бубера как целостность и представить его изыскания не только в области философии и теологии, но также и в области психологии, социологии, педагогики, гебраистики.

ISBN 978-5-458-65585-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

достигло подлинной виртуозности, в латентном виде содержался некоторый диалогизм. Идея антиномичности «чистого разума» в философии И.Канта и концепция истины как процесса взаимоуничтожения противоположностей в философии Г.В.Ф.Гегеля тому примеры. Но переход от кантианства к гегельянству осуществлялся через вполне диалогическое философствование немецких романтиков. Развиваемые романтиками йенского круга (братья Шлегели, Л.Тик, Новалис, Ф.Шеллинг, Ф.Шлейермахер и др.) идеи симфонической философии, слияния-совпадения философии и поэзии, поэзии и жизни, теория фрагментарного философствования и, наконец, теории понимания стали источником современных учений о диалоге. Предчувствие современного диалогического философствования пронизывает теории многих антигегельянцев прошлого столетия, в том числе Л.Фейербаха, который стремился создать материалистическую антропологию как теорию общения «я» и «ты», С.Кьеркегора, восстановившего в правах теологический диалогизм, и Ф.Ницше, разыгравшего в своих произведениях подлинно диалогическую драму познания.

Мы очень бегло очертили диалогическую традицию в философии и культуре до XX столетия. К отдельным персонажам этой традиции мы еще не раз (и более подробно) будем обращаться в процессе исследования. Философия диалога в нашем столетии также будет рассматриваться в каждой из глав книги, причем тщательно, насколько возможно. Однако мы не можем ставить перед собой непосильную задачу — исследовать диалогическую традицию в философии XX века в целом.

Что касается диалогической философии Мартина Бубера, то она уникальна в том отношении, что Бубер принадлежал сразу к двум философским и культурным традициям — европейской и иудаистской. По меткому выражению Г.Померанца, он был «иудеем среди хрис-

тиан и еретиком среди иудеев». Бубер полагал, что универсальные и общие для христианства и иудаизма идеи — открытость к трансценденции, признание за человеком статуса морального существа, идея совершенства и блага — должны способствовать диалогу между двумя религиями и их взаимному обогащению. Бубер прожил долгую жизнь, полную скитаний и умиротворения, поражений и побед, творческого смятения и гармонии... Родился он в Вене, но в возрасте 4 лет из-за развода родителей его привезли в имение к дедушке в Галиции, рядом с городом Лемберг. Дедушка, Соломон Бубер, был раввином и известным ученым, знатоком средневековой богословской литературы. У дедушки Мартин прожил до 18 лет, и общение с дедушкой, атмосфера его дома наложили отпечаток на духовный облик молодого человека. С 18 лет Мартин Бубер изучает философию и богословие в университетах Вены, Лейпцига, Цюриха, Берлина. Он становится учеником и другом философов Дильтея и Зиммеля. Защищает диссертацию по истории христианской мистики эпохи Возрождения. В 1922 году Бубер опубликовал свою самую знаменитую книгу, философскую поэму «Я и Ты», принесшую ему всемирную славу. В том же году он занял кафедру истории еврейской религии и этики во Франкфуртском университете.

В 1925 году Бубер начинает сотрудничать с Францем Розенцвейгом, автором «Звезды Искупления». Бубер и Розенцвейг вместе переводили Ветхий Завет с арамейского на немецкий язык. Основная задача их перевода была такова: современный читатель Библии перестал быть слушателем; Библию следует не читать, а слушать, как будто ее голос звучит сегодня. Библия утратила свое непосредственное значение, считали Бубер и Розенцвейг. В выборе слов, структуры предложений и их ритмической организации они попытались сохранить изначальный характер Ветхого Завета. В 1929 году

Розенцвейг умирает, а Бубер продолжает работать над переводом и заканчивает его лишь в 1961 году. Этот пример лишний раз показывает, что выделить хронологически и разграничить конкретные периоды в творчестве Бубера — дело почти безнадежное. Причем, пытаясь провести такое разграничение, большинство исследователей творчества Бубера противоречат друг другу (например, A.Cohen, M.L.Diamond, M.Friedman, L.J.Silberstein, P.Vermes). Мы же попросту откажемся от этой, на наш взгляд, недоступной задачи. Некоторые темы были сквозными в творчестве Бубера на протяжении всей его жизни (онтология диалога, проблемы коммуникации, веры и моральности), к другим он возвращался после долгого забвения. Большинство тем творчества Бубера было очерчено в книге «Я и Ты». В каком-то смысле последующие произведения Бубера можно рассматривать как комментарий к этой книге — будь то работы, посвященные теологическим, социальным или этическим проблемам, книги о хасидизме или библейские комментарии. Обо всем этом в каждом конкретном случае мы будем говорить особо (касаясь онтологии диалога, проблемы интересубъективности и коммуникации, буберовского прочтения хасидизма, его теологии, социологии, трудов по истории философии и т.д.).

Остается продолжить краткий очерк биографии Бубера. В 1933 году его кафедра была закрыта. В 1936 году Бубер эмигрировал в Швейцарию, а в 1938 году переехал в Иерусалим, где заведовал кафедрой социальной философии Иерусалимского университета. После второй мировой войны Бубер несколько раз выезжал с лекциями в США и ФРГ. В 1960-1962 годах он был президентом Израильской академии наук. Умер в Иерусалиме в 1965 году.

Долгие годы во всех жизненных перипетиях, бедах, неурядицах и скитаниях верной подругой Бубера, помощницей, советчицей, секретарем, ангелом-храните-

лем и музой была его супруга Паулина. Эта мужественная женщина ради брака с Бубером вынуждена была порвать со своей семьей и поменять вероисповедание. Во многом именно благодаря ей, благодаря ее присутствию в жизни Бубера его философия приобрела свой гармонический строй. Однажды в беседе с друзьями Бубер признался, что, если бы не Паулина, его мироощущение постоянно было бы наполнено трагизмом и отчаянием. Бубер посвятил жене такие строки:

Бездна и свет миров,
Страдание во времени и жажда вечности,
Видение, событие и поэма —
Были и есть разговор с тобой.

Однако отчаяния в его мироощущении хватало. Трагедию всеобщего отчуждения в мире Бубер воспринимал как личную трагедию. На всю жизнь драмой для него стал развод родителей. В качестве немецкоязычного образованного европейца он всегда чувствовал себя отчужденным от иудаизма. Первая мировая война, преследование евреев в Германии, возрастание тоталитаризма в обществе, вторая мировая война, затем арабо-израильский конфликт... Все беды нашего столетия порождали у него ощущение бессмысленности и разорванности человеческого бытия. Но, в отличие от Кафки или Камю, это ощущение у Бубера вызывало стремление ко всепроникающему вживанию в мир «Другого», диалогу с ним. «Другой» из чуждого, «постороннего», «не-я» становится «Ты».

Если европейской ментальности в целом присуще четкое разделение функций субъекта и объекта (субъекта — быть активным, познающим, воспринимающим; объекта — быть познаваемым, воспринимаемым, зависимым от активности субъекта), то Бубер предлагает взамен этой установки некую би-субъектную коммуникацию, где объект предстает как равноправный парт-

нер, собеседник, друг. Мысли Бубера очень высоко оцениваются многими философами. Вот что пишет, например, немецкий историк философии Г.Кюн: «В наше время узкое понимание объекта, смоделированного по типу объекта физических наук, тиранически владеет умами. В противоположность этому догматизму Бубер восстановил в истинном статусе человеческое существо через его общение с другими существами. Это великий урок для всех нас»¹.

Тогда как во всем мире творчество Бубера было хорошо известно с начала 20-х годов, в Советской России о нем практически ничего не знали. (Правда, в 1925 году было издано небольшим тиражом несколько брошюр.) А потом о нем чаще всего умалчивали (в ряде философских словарей, изданных в 50-70-е годы, его имя попросту не упоминается). Если же о нем писали, то не иначе как в ругательном тоне, называя реакционным теологом, мистиком и сионистом. Как философа его представляли примитивным эклектиком, произвольно соединившим «индивидуализм» Кьеркегора и «туизм» Фейербаха. (Что примечательно, автор этой точки зрения сейчас пишет восторженные статьи о Бубере и издает его произведения.)

Но в России существовала и существует серьезная школа историко-философского анализа экзистенциализма, представленная такими учеными, как П.П.Гайденко, Г.М.Тавризян, Т.А.Кузьмина, Л.И.Филиппов, К.М.Долгов, А.М.Руткевич, М.А.Киссель, Р.М.Габитова, Г.Я.Стрельцова и др. Нет сомнения в том, что и сама философия экзистенциализма (как и многие другие течения) получила бы развитие в России, если бы не семидесятилетний идеологический запрет. Русский религиозный экзистенциализм в лице Н.А.Бердяева и Л.Шестова возник чуть раньше европейского. Бубер был знаком с Бердяевым и Шестовым. По его собственному признанию, из русских философов наиболее близки ему

были Л.Шестов и М.М.Бахтин. Кстати, именно благодаря М.М.Бахтину, а позже — В.С.Библеру диалогическая традиция в русской философии советского периода все-таки не прерывалась.

С конца 80-х годов в России наблюдается бурный интерес к творчеству тех мыслителей, имена которых раньше были под запретом. Здесь было и стремление наверстать упущенное, восстановить прерванную культурную традицию, и простое любопытство. Но когда духовный голод был утолен, пришло время вдумчивого созерцания и стремления проникнуть в глубины творчества мыслителей. Все это в полной мере относится к Буберу. Книга «Я и Ты» издавалась множество раз в разных городах России. Переведены и изданы многие важные работы Бубера. Самое серьезное издание последних лет, на наш взгляд, сборник работ Бубера под общим названием «Два образа веры» из серии «Мыслители XX века» с прекрасными переводами В.В.Рынкевича, С.В.Лезова, Ю.С.Терентьева, И.И.Маханькова под редакцией С.Я.Левит. Глубоко и тонко творчество Бубера проанализировано в статьях П.С.Гуревича, Г.С.Померанца, Л.А.Чухиной, Г.Л.Баканурского и др.

Все это, однако, не идет в сравнение (в силу исторических и технических причин) с тем анализом творчества Бубера, который вот уже на протяжении восьмидесяти лет осуществляется на Западе. Там его творчество исследовано всесторонне и с самых различных позиций — от неприятия до восторженного поклонения. Мы постараемся представить читателю и, в свою очередь, проанализировать наиболее интересные из этих точек зрения.

В данном исследовании мы рассмотрим стержневую для философии экзистенциализма тему в ее преломлении у Бубера — проблему человеческого существования. В экзистенциализме бытие рассматривается именно в качестве человеческого существования, суще-

ствование человека изначально онтологично. В экзистенциализме Бубера бытие предстает как диалог, его онтологию можно назвать диалогической. Центральная идея философии и теологии Бубера — бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром, человеком и человеком. Диалог созидателен и спасителен, когда он осуществляется при посредстве Бога, его заповедей о нравственности и любви. Именно в диалоге с человеком и миром Бог реализует свою божественную сущность...

Мы проанализируем философские и теологические источники концепции Бубера и постараемся показать своеобразие переосмысления им этих источников. Мы сравним учение Бубера в некоторых его аспектах с другими вариантами экзистенциализма и философии жизни; проанализируем теологические воззрения Бубера в связи с его концепцией отчуждения; попытаемся представить Бубера как мыслителя нетрадиционного типа — «бездомного» или «просвещающего» философа.

Хочется надеяться, что наше исследование окажется еще одним звеном диалога с замечательным мыслителем — Мартином Бубером.

ГЛАВА I. ДИАЛОГ КАК СТРУКТУРА БЫТИЯ

§ 1. Я и Ты. Жизнь диалога

В книге «Проблема человека» (1947) Бубер писал: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности — как в диком поле, где и колышка для палатки не найти»². В соответствии с разделением эпох Бубер делит и мыслителей на «проблематичных» («бездомных») и «непроблематичных» («обустроенных»). «Непроблематичные» философы, такие как Аристотель, Фома Аквинский, Спиноза, Гегель, ощущают твердую «бытийственную» почву под ногами; хотя они и «захвачены» проблемой бытия, вопрос «быть или не быть?» их не мучает. Другое дело — «бездомные» философы: Августин, Паскаль, Кьеркегор. (В плеяду «бездомных» философов, безусловно, просится Ницше, но Бубер не включает его туда, поскольку рассматривает «бездомность» религиозную, а Ницше — «по ту сторону».) Нельзя понять Паскаля без его страха перед «вечным молчанием безграничных пространств», Августина — без его ужаса перед «бездной греха». «Страх» и «трепет» Кьеркегора, его мучения по поводу разрыва помолвки с любимой невестой — также определяющие моменты его творчества. Бубер, безусловно, продолжает ряд религиозной «бездомности», открываемый Августином.

Далекий от «страха» и «трепета» и от религиозности вообще, американский философ Ричард Рорти разделяет философов на «систематизирующих» и «просвещающих», что формально и методологически соответствует буберовскому делению на «обустроенных» и «бездомных». Английский термин «to edify» можно перевести как «образовывать», «просветлять», «просвещать». «Систематизирующие» философы заинтересованы прежде всего в создании философской системы, дающей определенную картину действительности. «Просвещающие» же философы, к которым Рорти относит Кьеркегора, Ницше, Витгенштейна, Хайдеггера, Бубера и др., не пытаются строить систему и упорядоченным образом описывать действительность. Представляя своим читателям и слушателям новые, творческие пути в мышлении, языке и в жизни, «просвещающий» философ, как считает Рорти, пытается вывести читателей и слушателей из устаревших канонов мышления и жизни. Конечная цель этой деятельности — не просто изменить наш стиль мышления, но, согласно Рорти, «вынуть нас из прежних самих себя властью странности, необычности, привести нас к нашему новому бытию»³.

В терминах философии Рорти Бубер был именно «просвещающим» философом, считавшим философию некоей освобождающей деятельностью, цель которой — «скорее научить, помочь читателям освободиться от изношенных языковых конструкций и подходов, чем подводить основания под интуиции и обычаи современности»⁴. Такая установка предполагает разрушение преобладающих философских систем, существующей ментальной парадигмы. Как и его предшественники Ницше и Кьеркегор, Бубер считал, что конвенциональные установки мышления и языка усугубляют отчуждение. Одна из задач философии, по Буберу, — критика языка. Поэтому философ обязан оценивать и критиковать важнейшие понятия, проверяя их личностным опы-

том, отбрасывать некоторые из них и обновлять остальные. Соответственно Бубер формулировал свои понятия и категории с тем, чтобы помочь читателям и слушателям освободиться от иллюзий, сдерживающих свободу выбора и реализацию аутентичной самости. Основание критики существующих систем понятий и категорий, по Буберу, — не разум, логика, их социальное применение или чувственный опыт, но экзистенциальный опыт индивида в его соприкосновении с миром. По мнению Бубера, существует внутренняя пропасть между нашими понятиями и категориями и основным человеческим опытом, который они должны выражать. Как писал любимый поэт Бубера Райнер Мария Рильке: «...нам вовсе не так уж уютно // В мире значений и знаков»⁵. Бубер также сомневался в способности общепринятого языка выражать фундаментальную природу действительности, соглашаясь здесь со средневековыми мистиками, даосами, Ницше и многими другими.

Понятия и категории, которые он использовал, соответствовали его стремлению проанализировать фундаментальный кризис отчуждения в жизни современного человека. Основные категориальные пары в философии Бубера, «Я-Ты» и «Я — Оно», о которых речь пойдет ниже, служили именно этому. Обсуждал ли Бубер проблемы религии, общества, образования, иудаизма или философской антропологии, он всегда стремился критиковать существующий стиль мышления. Однако его целью были не сами по себе критика и прояснение понятий. В духе Ницше и Кьеркегора он критиковал образ жизни и мышления, который принято было считать нормальным, чтобы пробудить в своих читателях альтернативное, гуманистическое мышление и соответствующий образ жизни.

Для Бубера философия не наука, открывающая предельные основания бытия или устанавливающая последний критерий истины. Цель философа — освободить